

МЕТОДОЛОГІЯ ТА ОРГАНІЗАЦІЯ ЕКСПЕРТНО-КРИМІНАЛІСТИЧНОГО ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ БОРОТЬБИ ЗІ ЗЛОЧИННІСТЮ

УДК 343.98.06

В.В. Седнев, доктор медичних наук, професор,
професор кафедри кримінального права и процесса
Донецького національного университета

СИСТЕМАТИЗАЦІЯ МОДЕЛЕЙ В КРИМІНАЛІСТИКЕ

Исследованы общенаучные и криминалистические основы создания моделей. Сформулированы основные дефиниции метода моделирования, его методологических регулятивов и методических ограничений. Предложена дефиниция криминалистического моделирования, которому также свойственны методологические регулятивы и методические ограничения. Предложена классификация моделей в криминалистике: модели свойств, модели отношений, модели-конфигураторы и эвристические модели.

Ключевые слова: моделирование, модели, криминалистика, метод, классификация.

Досліджено загальнонаукові та криміналістичні засади створення моделей. Сформульовано основні дефініції методу моделювання, його методологічних регулятивів і методичних обмежень. Запропоновано дефініцію криміналістичного моделювання, якому також властиві методологічні регулятиви та методичні обмеження. Запропоновано класифікацію моделей у криміналістиці: моделі властивостей, моделі відносин, моделі-конфігуратори та евристичні моделі.

Investigated the general scientific and criminalistics basics of creating models. The basic definition: the modeling method, its methodological regulators and methodological limitations. We propose a definition of criminalistics modeling. Methodological regulative and methodological limitations inherent criminalistics modeling too. The classification of models in criminalistics: model of attributes, model of relations, models of configurators and heuristic model.

Метод моделирования является одним из существенно востребованных в криминалистике [1; 2; 3]. Однако, как показывает анализ имеющегося в литературе

массива данных, существуют определенные разночтения в трактовке как самого метода моделирования, так и его результатов. Именно это и определило цель данной работы — систематизировать основные подходы к содержанию понятия «модель» в криминалистике для оптимизации его использования на практике.

Общепризнанное понимание моделирования как метода научного познания, направленного на построение моделей, связывают с работами В.А. Штоффа, наиболее полная из которых опубликована в 1966 году [4]. Указанное в этой книге определение [4, с. 19], с учетом сделанных автором уточнений о том, что любая модель — это гомоморфный образ объекта [4, с. 148], представляющий и форму, и средство отражения объективной действительности [4, с. 227], основанное на отношениях аналогии [4, с. 139], в без существенных изменений той или иной форме используется по сей день. Равным образом используются и классификационные подходы, разработанные В.А. Штоффом [4, с. 23—35]. Обоснование того, что именно процедура аналогии является основой моделирования за счет отражения различных степеней и характера сходства [4, с. 147], и послужило основой для дальнейшего развития метода моделирования.

Аналогия как метод [5] — это эвристическое средство научного познания, не-дедуктивное умозаключение, описывающее сходство нетождественных объектов, в котором суждение о принадлежности признака некоторому объекту выводится на основании его сходства с другим объектом, и представляющее собой переход к знанию той же степени общности. Эвристический в данном случае означает не полностью обоснованный, не совсем корректный, но при этом практически полезный алгоритм решения прикладной задачи, правильность которого для всех возможных случаев не доказана, но о котором известно, что он дает достаточно хорошее решение в большинстве случаев. Он означает сходство двух или более объектов (предметов либо явлений) в каких-либо свойствах или отношениях. При умозаключении по аналогии знание, полученное из рассмотрения определенного объекта, переносится на другой, менее изученный (менее доступный для исследования, менее наглядный и т. п.) объект. На основе сходства объектов по каким-либо параметрам делается вывод об их возможном сходстве по другим параметрам. Аналогия — это один из основных способов формирования научных гипотез, обеспечивающий возможность начала познания, как процесс ограничения неизвестного до степени, доступной исследованию, источник предположений, которые затем проходят проверку более строгими дедуктивными и индуктивными методами [6]. Задачи, доступные для решения методом аналогии:

- формирование нового знания;
- разъяснение имеющегося знания;
- исследование объекта, недоступного прямому наблюдению;
- решение задач путем сведения их к уже решенным;
- выдвижение новых гипотез [5; 6].

В зависимости от характера признака, переносимого с одного предмета на другой, различают аналогию свойств и аналогию отношений [5, с. 234]. Аналогия свойств — это умозаключение по аналогии, в котором роль переносимого признака играет признак-свойство. Аналогия отношений — это умозаключение по аналогии, в котором переносимым признаком является признак-отношение. Существенно, что в аналогии отношений образцом и субъектом выступают не

отдельные предметы, а системы объектов. Аналогия отношений является относительно независимой от конкретной природы тех объектов, отношения которых рассматриваются.

Нередки случаи, когда одно какое-либо различие указывает на неправомерность аналогии, несмотря на все множество сходств. Вывод по аналогии без учета хотя бы уже известных различий между соответствующими предметами нельзя даже считать логически корректным.

Требования, пренебрежение которыми может привести к неверному решению задачи аналогии:

- сопоставляемые объекты должны быть сходными в существенных свойствах (к таковым вовсе не обязательно относятся внешние либо случайные признаки);
- число общих для образца и субъекта аналогии признаков должно быть как можно большим и охватывать различные стороны сравниваемых предметов;
- связь между уже известными подобными свойствами и новым предполагаемым свойством должна быть закономерной, необходимой или высоковероятной;
- перенос известной информации о знакомом объекте на исследуемый объект должен происходить в рамках одной и той же теоретической конструкции, без введения существенных дополнительных гипотез;
- наряду со сходством необходимо учитывать и различие.

Также могут быть представлены причины ошибок выводов по аналогии:

- несущественность признаков, служащих основанием аналогии;
- отсутствие связи между признаками, служащими основанием аналогии, и переносимым признаком.

Подытоживая, следует указать, что, исходя из поставленной цели анализа аналогии как общеметодологического основания метода моделирования, возможно выделение нескольких типов моделей. Основанием для выделения является такая фундаментальная характеристика аналогии, как сущность, характер переносимого признака. В дальнейшем предполагается различать моделирование свойств, отношений, а также свойства объектов и их отношения.

Таким образом, метод моделирования в целом можно определить как универсальную (эмпирическую и теоретическую) форму познавательной деятельности, основанную на принципе аналогии, направленную на формирование модели объективной реальности. Методологическими регулятивами являются:

- регулятив обоснованности: моделирование возможно на максимально полной эмпирической базе с учетом теоретической и специальной (в том числе и прецедентной) баз данных;
- регулятив умозаключения по аналогии: максимально полное сопоставление признаков реальности и модели с учетом их значимости (основные и второстепенные) и вектора (совпадения и различия).

Методические ограничения использования представлены гипотетичностью метода (вероятностность результата моделирования) и условностью интерпретаций модели (приблизительность вывода, имеющего ориентирующий исследователя характер).

В криминалистике метод моделирования наиболее полно исследован в работах Р.С. Белкина, Т.С. Волчецкой, Г.А. Густова, Е.П. Ищенко, В.Е. Корноухова, И.М. Лузгина, В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и других. Криминалистическая

сущность моделирования состоит в том, что оно «позволяет исследовать и объяснить связи между фактами, в частности связь элементов состава преступления» [2, с. 18]. Сходным образом характеризует «модель криминальной ситуации» Т.С. Волчецкая: «...мысленное представление следователя, основанное на имеющейся информации о расследуемом событии, объясняющее общее содержание криминальной ситуации в целом, отдельных ее элементов, «вскрывающее» их взаимосвязь и объясняющее их взаимообусловленность» [1, с. 63]. Г.А. Густов указывает, что «криминалистическое моделирование — это специфический метод исследования криминалистических объектов в целях их познания и управления профессиональной деятельностью участников уголовного процесса путем построения и использования моделей этих объектов» [3, с. 16.]. При этом подчеркивается, что криминалистическая модель — это искусственная система, воспроизводящая с той или иной степенью сходства исследуемый в сфере уголовного судопроизводства объект. Основная задача криминалистической модели — расширение имеющегося знания об оригинале в объеме, необходимом для правосудия [3; 7]. Р.С. Белкин рассматривает моделирование двояко: как способ изучения отдельных материальных объектов и как способ изучения процессов различной сложности [7, с. 232]. М.К. Каминский, опираясь на концепцию интегративности преступной деятельности, считает, что «криминалистическая модель преступной деятельности строится путем описания ее субъекта, фаз развития, решаемых в них определенными способами задач, возникающих при этом следов и содержащейся в них информации» [8, с. 9].

Существенным именно для моделирования в криминалистике является выдвигаемое Т.С. Волчецкой утверждение, что моделирование — это средство познания [1, с. 11], то есть, исходя из сути определения средства познания, метод. Соответственно, модель рассматривается как система (идеальная либо материальная), позволяющая получить криминально-релевантную информацию. При этом имеет место перенос логических отношений с модели на прототип [2; 7].

Метод моделирования в криминалистике не избежал расширения трактовки, связанной, на наш взгляд, исключительно с недооценкой его регулятивов и ограничений. Попытка расширенной трактовки моделирования привела к приравнению метода, то есть способа познания, к способу описания. Мысленное моделирование преступления и его отдельных элементов, стадий фактически полностью отождествили с криминалистической характеристикой преступлений [8; 9]. Даже оставив в стороне критику самого понятия «криминалистическая характеристика преступления» [7], следует указать на гносеологическую недопустимость расширения метода исследования до описания его результатов [11]. Кроме того, ранее выделенное гипотетическое ограничение метода не просто подчеркивает невозможность полного отождествления моделирования и криминалистической характеристики преступлений, но и деформирует последнее понятие. Тем не менее О.А. Берзинь полагает, что моделирование «позволяет получить новые знания об оригинале и использовать их для решения поисковых, познавательных, идентификационных, управленческих и иных задач в уголовном процессе» [12, с. 134]. Оставим на совести автора смешение видов и типов задач. Укажем только, что задача идентификации основана на установлении тождества, то есть вывод

строится дедуктивным путем. Моделирование, как указано выше, основано на формировании аналогии, то есть недедуктивной форме вывода, где происходит перенос логических отношений с модели на прототип [2; 7]. De facto О.А. Берзинь предлагает совмещение несовместимого. Логическим продолжением указанного подхода является построение на основе метода моделирования универсальной «машины истины» Раймунда Луллия. Приведенный краткий анализ вновь заставляет обратить внимание на актуальность регулятивов и ограничений методов исследования в криминалистике.

В некоторых работах в силу расширенного толкования понятия «модель» вне ее гносеологического генеза (анalogии, подобия) проводится параллель с мысленным образом: «Познать преступление — значит построить его мысленную модель, образ этого объекта, хотя и упрощенный по сравнению с оригиналом» [13, с. 69]. Однако модель, как уже указано, — это нечто мысленное либо вещественное, созданное на основе аналогии. Мысленный образ отражает релевантные особенности насущной потребности исследователя и отражает скорее отождествление в расширенном понимании, заложенном еще С.М. Потаповым [14]: «Необходимо установить тождество или отсутствие тождества того или иного факта с доказательством истины по данному делу» [14, с. 22]. Технологической основой формирования образа является конструирование. Очевидно, что в данном случае речь идет о формировании таких разновидностей теоретических моделей, которые Э.Г. Юдин предлагает именовать «конфигураторами» [15, с. 129], то есть создаваемыми с познавательной целью образами объекта, объединяющими уже существующие знания о нем. За неимением лучшего термина можно согласиться с широким использованием понятия «модель». При этом необходимо отчетливо ограничивать модель как средство описания («конфигуратор») и как средство познания. В основу моделирования в этих случаях положены различные процедуры: конструирование и интеграция — в первом, аналогия — во втором. Конфигураторы как структурные модели, воспроизводящие имеющуюся базу знания [15], имеют логическое развитие в конфигураторе-плане, который намечает основные пути исследования [15, с. 135]. Такая динамика «познание — объяснение — познание» на основе расширенной базы знаний не противоречит ни диалектике гносеологии, ни общеметодологическим регулятивам, ни логике расследования преступления. Вновь-таки следует указать, что познание при помощи моделирования ограничено гипотетичностью самого метода. Отсюда познание преступления, следуя предложенной логике [13], перестает быть объективным и достоверным a priori.

Исходными данными для моделирования указываются имеющаяся информация по делу, материальная и идеальная следовая информация, находящиеся в распоряжении факты и фактические данные [1; 2; 3; 7; 10; 13].

Кратко изложенные противоречия и неоднозначности трактовок понятия модели в криминалистике послужили основанием для выделения на основе указанной выше сущности аналогии нескольких типов моделей в криминалистике. Предлагаемая классификация относительно проста и содержит следующие типы моделей:

– модели свойств, в которых осуществляется перенос информации о признаках, релевантных для расследования свойств конкретного объекта с формирова-

нием его статического образа (применима в первую очередь при анализе материальных объектов и материализованных в материалах расследования сведений о них, прежде всего в вещественных доказательствах);

– модели отношений, выполняющие перенос информации о процессе, этапах и особенностях взаимодействия объектов и субъектов с формированием динамического образа взаимодействий (применима для анализа механизма происшествия);

– смешанные (комплексные) модели, реализующие перенос информации о признаках релевантных свойств объектов и субъектов при их взаимодействии с установлением многообразных связей между следовой картиной (материальной и идеальной), характеристиками события и потерпевшего с наиболее вероятной версией о виновном (в случае устойчивой упорядоченности связей и характеристик может обозначаться как ситуалогическая).

Исходя из предлагаемой классификации моделей в криминалистике, можно проанализировать взгляды различных авторов. Данный анализ необходим, как минимум, потому что разрабатываемый метод криминально-психологического моделирования должен быть существенно обоснован в материнских науках — криминалистике и психологии:

1) модели первого рода — свойства, представленные преимущественно в виде как статических, так и динамических материальных слепков, муляжей, макетов и т. д. [7; 13; 16; 17; 18; 19; 20; 21];

2) отражением моделей отношений являются умозаключения о механизме передачи энергии, вещества, информации, о типах взаимодействия как отражение механизма преступления [7; 13; 17; 19; 21];

3) модели третьего рода — комплексные, представленные несколькими разнородными концептами:

– понятием криминалистической характеристики преступления [18; 21]. При этом В.Е. Корноухов предлагает «вообще отказаться от понятия криминалистической характеристики преступления и использовать более точное — модель совершения преступления» [17, с. 260]. А это, с учетом того, что автор относит к моделям и версии, и механизм происшествия, отражает, на наш взгляд, расширение метода до всеобъемлющего (то есть лишённого ограничений и отчасти регулятивов). Критика Р.С. Белкиным данного понятия применительно к конкретному преступлению [7, с. 737—739] не исключает существования его, с точки зрения самого Р.С. Белкина, как абстракции, как модели [7, с. 737]. Исходя из приведенных выше положений о моделях как способах интеграции в относительно целостную систему имеющейся базы знаний, данный тип моделей следует признать конфигураторами, моделями-описаниями;

– криминалистическим учением о версиях как о мысленной модели совершенного преступления, исходя из которой версия — это «...построенное в соответствии с законами логики, обоснованное фактическими данными и подлежащее проверке в установленном законом порядке предположение о событии преступления в целом или отдельных его элементах, о пространственно-временных, причинно-следственных и иных связях между обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу» [16, с. 159], что также отражено в работах В.Е. Корноухова [17, с. 261]. Данная модель в первую очередь отражает не

познавательный, а описательный подход. Этот тип моделей отображен в понятии конфигуратора-плана как способа сведения в целостность имеющейся информации для формирования программы дальнейших действий. Типичной представляется позиция В.Н. Левкова, который к функциям криминалистических версий отнес систематизацию имеющихся данных, выявление наиболее перспективных направлений расследования, а также формирование плана соответствующих действий [22, с. 4];

– концепцией программно-целевого метода расследования, преимущественно представленного в работах Г.А. Густова [3; 23], который также представляет собой конфигуратор-план в вышеописанном смысле.

Наиболее упорядоченным в указанном смысле связей и характеристик является первый подтип — криминалистическая характеристика преступлений.

Таким образом, выделенный третий тип моделей в криминалистике — комплексный — представлен моделями как способами описания (конфигураторами). Учитывая, что основным вектором рассмотрения моделей в данном исследовании является познавательный, такую ситуацию нельзя признать удовлетворительной. Предлагаемая классификация моделей в криминалистике должна быть пересмотрена в плане большего обобщения и усовершенствования. Предлагается выделение двух типов моделей третьего рода — комплексных: как способов описания (конфигураторов) и как способов познания. В методическом плане в основе первых лежит интеграция и конструирование, а вторых — аналогия. Таким образом, предлагаемая систематизация моделей в криминалистике принимает следующий вид:

– первый тип криминалистических моделей — модели свойств;
– второй тип криминалистических моделей — модели отношений;
– третий тип криминалистических моделей — комплексные модели (первый подтип — модели-описания (конфигураторы), второй подтип — модели гносеологические).

Различия между подтипами третьего типа не столько целевые, так как жестко разделить описание и планирование относительно преступности в них, скорее, невозможно. В большей мере различия состоят в степени общности характеристики преступления. Первый подтип относится к более общему (обобщенному), описывая типовую характеристику преступления, перечень выдвигаемых версий и стандартизованный план мероприятий дальнейшего расследования. В этом смысле он ближе к методу как научному способу познания. Описывая некое обобщение, данный подтип опирается на достаточно полноценную базу данных, представляя собой в определенной мере некое «усреднение» сведений об общем в некоем множестве конкретных преступлений. Одновременно с формированием типического в смысле криминалистической характеристики преступления этот подвид моделей отображает и обобщенные наиболее эффективные (успешные) алгоритмы деятельности в той или иной типичной ситуации.

Второй подтип отражает конкретный, единичный уровень познания, будучи методически ближе к методике как способу исследования уникального и индивидуального. Представляется, что именно такое разделение позволяет в существенной мере снять вышеописанные противоречия, связанные с расширением и сужением трактовки метода моделирования в криминалистике. В связи с тем, что

второй подтип в меньшей степени представлен в литературе, приведем некоторые его характеристики. Как уже указано выше, во-первых, он отражает единично-конкретный уровень познания и в этом смысле в большей мере приближен к методике. Во-вторых, он основан на аналогии как способе получения новой информации путем установления подобия с уже известной и в этом смысле приближен к методу восхождения от абстрактного к конкретному [24]. В-третьих, он дает возможность установления ситуативных отношений в неопределенных ситуациях с отсечением неперспективных вариантов, формированием опровержений на базе контрпримеров и т. д. Таким образом, он относится к недедуктивным методам решения исследовательских задач. Существенно, что анализируемый подтип комплексных криминалистических моделей относится к мысленному моделированию с возможностью материализации в текстовом виде. Все указанное характеризует второй подтип комплексных моделей как эвристический. Этим обозначением и предполагается пользоваться в дальнейшем.

Приведенная классификация (модели свойств, модели отношений, комплексные модели — конфигураторы и эвристические) позволяет выделить существенные типы криминалистических моделей и оценить необходимые для их построения технологии.

Таким образом, существенных отличий между общенаучным и частнонаучным моделированием в криминалистике ни в технологии, ни в сути регулятивов, ни в ограничениях метода, как и предполагалось, нет. Отличия обусловлены уточнением предмета, спецификой процедур (в том числе и не рассматриваемой здесь процессуальной стороной), а также детализацией регулятивных требований. Существенным теоретическим итогом анализа литературных данных относительно использования метода моделирования в криминалистике можно считать отсутствие существенных методологических «вмешательств». Фактически криминалистика, используя метод моделирования, адресуется к общенаучному его обеспечению. Авторы, которые приводят характеристику метода моделирования в криминалистике, обращаются к работам В.А. Штоффа и его последователей и в меньшей степени к работам А.И. Умова и Э.Г. Юдина. В этой преемственности есть определенная логика, так как основные разработки метода моделирования велись в области естественных наук, к которым существенным образом тяготеет криминалистика. Более того, некоторые исследователи, как это показано выше, переводят трактовку метода моделирования в широкую плоскость воссоздания следователем механизма происшествия в его статических и динамических, пространственных и временных параметрах. Такой подход именно с точки зрения формирования метода, а в перспективе на его основе методик, нельзя признать удовлетворительным. Поэтому необходимо исключить *inter alia*, возможность расширенной трактовки метода моделирования в криминалистике на этапе формирования метода.

Именно поэтому предложена сущностная классификация метода моделирования в криминалистике, учитывающая именно гносеологическую основу используемой методологии моделирования. Так, из предложенных четырех типов моделей (свойств, отношений, комплексных-конфигураторов и комплексных-исследовательских) первые две и последняя основаны на методе аналогии. При этом комплексные эвристические модели, будучи практически более приближены

к методике, методологически отражают восхождение от абстрактного к конкретному. При этом данный тип моделей относится к мысленным, может быть ретроспективным и отражает уникально-единичное. Комплексные модели-конфигураторы основаны на обобщении данных, их интеграции. Они в большей мере отражают общее, типическое и представлены в литературе как криминалистическая характеристика преступлений, типовые версии и программно-целевой метод расследования. Предложенное разграничение позволяет избежать смешения содержания при использовании одной и той же семантической конструкции (модель) за счет выделения логико-методологического различия.

Исходя из цели данной работы и дальнейших перспектив исследования в указанном направлении, далее под методом криминалистического моделирования будет пониматься формирование (на основе прикладной и теоретической аналогии) мысленного образа либо материального подобия более-менее изолированного фрагмента реальности (в совокупности и взаимосвязях его свойств и отношений), релевантного для расследования правонарушения.

Таким образом, на основе исследования общенаучных и криминалистических основ создания моделей сформулированы основные дефиниции: метод моделирования, его методологические регулятивы и методические ограничения. Также предложена дефиниция криминалистического моделирования. Показано, что описанные методологические регулятивы и методические ограничения в равной мере распространяются на криминалистическое моделирование. На основе сущности переносимого с образца на модель признака предложена классификация моделей в криминалистике: модели свойств, модели отношений, модели-конфигураторы и эвристические модели.

Дальнейшие перспективы исследований представлены разработкой методик моделирования для каждого из четырех предложенных типов моделей. Наиболее актуальными в этом отношении представляются эвристические модели.

Список использованной литературы

1. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике / Т.С. Волчецкая. — Калининград : Калинингр. ун-т, 1997. — 95 с.
2. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений / И.М. Лузгин. — М. : Юрид. л-ра, 1981. — 152 с.
3. Густов Г.А. Моделирование в работе следователя / Г.А. Густов. — Л., 1980. — 188 с.
4. Штофф В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. — М. : Наука, 1966. — 302 с.
5. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования / А.И. Уемов. — М. : Наука, 1970. — 264 с.
6. Жариков Е.С. Научная проблема / Е.С. Жариков // Логика научного исследования ; отв. ред. П.В. Копнин и М.В. Попович. — М. : Наука, 1965. — С. 19—44.
7. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособ. для вузов / Р.С. Белкин. — 3-е изд., доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. — 837 с.
8. Каминский М.К. Криминалистическое руководство для стажеров службы БХСС : учеб. пособ. ГВШ МВД СССР / М.К. Каминский, А.Ф. Лубин. — Горький : Ключ, 1987. — 89 с.
9. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / А.Н. Колесниченко. — Харьков : Харьков. юрид. ин-т, 1976. — 28 с.
10. Возгрин И.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования / И.А. Возгрин // Следственная ситуация. — М., 1985. — С. 66—69.

11. Илларионов С.В. Теория познания и философия науки / С.В. Илларионов. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 535 с.
12. Берзинь О.А. Криминалистические подходы к моделированию преступной деятельности / О.А. Берзинь // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2011. — № 4. — С. 133—143.
13. Криминалистика : учебник / [под ред. В.А. Образцова]. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Юристъ, 1999. — 735 с.
14. С.М. Потапов — основоположник теории криминалистической идентификации / [ред. кол. Цымбал М.Л., Симакова-Ефремян Э.Б., Шепитько В.Ю. и др.]. — Харьков : Право, 2002. — 41 с.
15. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э.Г. Юдин. — М. : Эдиториал УРСС, 1997. — 445 с.
16. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / [под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова]. — СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. — 683 с.
17. Курс криминалистики. Общая часть / [отв. ред. В.Е. Корноухов]. — М. : Юристъ, 2000. — 784.
18. Криминалистика : учебник / [отв. ред. Н.П. Яблоков]. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Юристъ, 1999. — 718 с.
19. Криминалистика : учебник / [под ред. Е.П. Ищенко]. — М. : Юристъ, 2000. — 751 с.
20. Салтевський М.В. Криміналістика (у сучасному викладі) : підручник / М.В. Салтевський. — К. : Кондор, 2005. — 588 с. : 32 ил.
21. Криминалистика : учебник для ВУЗов / [Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.] ; под ред. Р.С. Белкина. — М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. — 990 с.
22. Левков В.М. Криміналістичні версії : текст лекцій / В.М. Левков. — Харків : Юрид. ін-т, 1991. — 24 с.
23. Густов Г.А. Программно-целевой метод раскрытия убийств: конспект лекций / Г.А. Густов. — Л., 1985. — 114 с.
24. Седнев В.В. Восхождение от абстрактного к конкретному как фундаментальный метод экспертного познания / В.В. Седнев // Криминалист первопечатный. — 2012. — № 5. — С. 122—131.